
A. D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

О

ПРЕБЫВАНІИ ВЪ МОСКВѢ

ФРАНЦУЗОВЪ

1812 ГОДА.

R. B: An: 1813.

МОСКВА.
Вb Типографіи С. Селивановскаго.
1813.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки, и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Марта 27 дня, 1813 года. По назначенію Цензурнаго Комитета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ Ординарный Профессоръ *Алексѣй Мерзляковъ.*

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ,

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ
ПРИНОСИТЪ

ВѢРНОПОДДАННЫЙ

Князь Петръ Шаликовъ.

МОНАРХЪ!

Прости, Монархъ! вѣрноподданному въ смѣлости представить отеческому взору ТВОЕМУ картину бѣдствій, претерпѣнныхъ любезными дѣтьми великаго ТВОЕГО сердца!

Взоры отеческіе не отвращаются отъ семейства ни въ щастіи, ни въ напастяхъ. Сіе благодѣтельное вниманіе составляетъ для дѣтей благодарныхъ лучшее наслажденіе въ первомъ и лучшее утѣшеніе въ послѣднихъ. Равнодушіе, къ тому или другому, чуждо отцу семейства — и Отцу народа!

Какой народъ, какое семейство могутъ справедливѣе ТВОИХЪ подданныхъ хвалиться любовію Отца-Монарха!

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Патріотическое честолюбіе, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, съ другими случаями, обезпечившими Сочинителя, рѣшили его остаться въ Москвѣ, удержать свое семейство и нашествіе *Вандаловъ* почитать — химерою. Но непостижимое, но благое Провидѣніе располагаетъ все по Своей премудрости: Оно возвратило спокойствіе и тишину священной Столицѣ нашей и страшно караетъ дерзость враговъ ея!

Людямъ чувствительнымъ не трудно вообразить, что онъ долженъ былъ претерпѣть, видя въ безпрестанныхъ обмо-рокахъ, въ ужасномъ отчаяніи ближайшихъ своихъ родственницъ! Собственное страданіе конечно для него было легче несравненно.

Читатели могутъ ожидать, что Сочинитель дозволитъ себѣ *мщеніе* на счетъ *справедливости:* онъ увѣряетъ ихъ, что послѣдняя всегда будетъ торжествовать надъ первымъ.

24 Декабря, 1813.

Москва.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

о пребываніи въ Москвѣ Французовъ.

„Когда наши преступленія — говоритъ Поэтъ вѣковъ прошедшихъ, но говоритъ какъ современникъ нашъ — достигнувъ до высочайшей степени, не заслуживаютъ болѣе прощенія, то Небо, всегда справедливое. оказываетъ судъ свой, какъ прежде оказывало Оно свое милосердіе; и въ такомъ случаѣ не рѣдко оставляетъ насъ свирѣпымъ тиранамъ, чудовищамъ жестокости, которыхъ надѣляетъ силою причинять зло и геніемъ наносить бѣдствія. Таковы были въ Римѣ Марій и Силла, оба Нерона, бѣшеный Калигула, Домиціянъ и послѣдній изъ Антониновъ. Таковъ еще былъ Мак-

симиліянЪ, возведенный изЪ самаго низкаго состоянія простонароднаго на управленіе Имперіей. По той же причинѢ, гораздо прежде, КреонЪ родился вЪ ѲивахЪ, МезенцЪ вЪ Этруріи; по той же причинѢ Италія, столь часто утучняемая кровію своихЪ народовЪ, была предана, во времена менѢе отдаленныя, ГуннамЪ, ГоѳамЪ и ЛомбардамЪ. Упомянули о безчеловѢчномЪ АттилѢ, о гнусномЪ ЭзелинѢ, подвигнутыхЪ НебомЪ кЪ наказанію продолжительныхЪ слѢдствій преступленія? Но какая нужда искать вЪ древности сихЪ бѢдственныхЪ примѢровЪ! Не испытали ли мы вЪ наши дни подобныхЪ нещастій? не зрѢли ли мы себя преданными, подобно стаду безполезному и пораженному заразою, хищнымЪ волкамЪ, которые насытясь нашею кровію и мясомЪ, призвали изЪ-за АльповЪ другихЪ волковЪ, еще кровожаднѢйшихЪ, для поглощенія горестныхЪ нашихЪ остатковЪ? Кровь, пролитая на берегахЪ Фразимены, Требіи и вЪ долинахЪ КанскихЪ, ничто вЪ сра-

веніи съ тою, которая умножила волны Адда, Мелла, Ронко и Таръ. Богъ желаетъ безъ сомнѣнія, чтобы мы были наказаны за излишества нашихъ пороковъ народами, можетъ статься еще виновнѣйшими насъ. Ежели сіи страшные уроки возвратятъ насъ къ нашимъ обязанностямъ, то наступитъ время, когда Божественное Правосудіе, утомленное беззаконіями варваровъ, изберетъ насъ для опустошенія ихъ странъ безутѣшныхъ.“

Историкъ новѣйшихъ варваровъ, новѣйшаго Вандализма, наконецъ человѣка, вмѣщающаго въ одномъ своемъ характерѣ всѣхъ наименованныхъ Поэтомъ бичей человѣчества — словомъ: историкъ Наполеона и *его* Французовъ, при помышленіи объ ужасныхъ картинахъ народовъ, населяющихъ Европу; картинахъ столь сходныхъ съ тѣми, которыя сію минуту были передъ нашимъ взглядомъ, долженъ сказать то же самое, что говоритъ ихъ живописецъ.

Возьмемъ же и мы рѣзецъ истины и безпристрастія, чтобы изобразить неизгладымыми чертами на памяти каждаго Россіянина злодѣйскіе подвиги враговъ его Государя, его Отечества, его семейства, его личности, его собственности; враговъ, которыхъ сама Природа ни пространствомъ мѣстъ, ни различіемъ климатовъ, ни временами года не можетъ остановить въ презрительныхъ видахъ подлой корысти; которые отъ одного конца вселенной до другаго, изъ одного Зона въ другой бѣгаютъ за нею съ изступленіемъ древнихъ варварскихъ народовъ, уступающихъ новымъ просвѣщеннымъ въ коварной политикѣ, въ адской хитрости, въ утонченной злобѣ: слѣдовательно *жесточайшимъ варварамъ*; и названіе *Француза* нынѣ содѣлалось именемъ *Вандала*. Ученое выраженіе *стратегіи* есть не иное что, какъ переводъ невѣжественнаго *вандализма*.

Императоръ Наполеонъ не есть ли царь Коракейцовъ, а судьба его —

путешественникЪ ВальянЪ, которой избралЪ сего царя симЪ Коракейцамъ, надѣвши на него, передЪ безсмысленными Африканскими дикарями, случившуюся у путешественника Гренадерскую шапку, сЪ вычищенною нарочно для сего мѣдною бляхою; и послѣ сей предварительной церемоніи, предписавши *народу* молчаніе и поставивши близЪ себя *монарха*, хранившаго смѣшную важность, украсилЪ его разноцвѣтными стеклянными камышками, и по окончаніи *коронованія*, поднесЪ ему зеркало, чтобы онЪ имѣлЪ удовольствіе разсмотрѣть самого себя; напослѣдокЪ указалЪ на него подданнымЪ, которые изЪявили радость свою крикомЪ и рукоплесканіемЪ безконечными.

Но ВальянЪ говоритЪ: ,,Добрые люди, меня читающіе! вотЪ все, чего стоило мнѣ возстановленіе мира и тишины вЪ нѣкоторой странѣ свѣта, и воспрепятствованіе, чтобы жители ея не перерѣзали другЪ друга. СЪ этой ми-

нуты спокойствіе и согласіе водворились между ними." А судьба — если бы она говорила съ нами языкомъ органическимъ — сказать сего не можетъ! Она долженствовала бы сказать: „Нещастные люди, наказываемые мною! Вотъ чего стоила вамъ прихоть моя — избраніе простаго Корсиканца въ цари недостойные!"

Здѣсь оканчивается мое вступленіе. Отсюда начнется исторія взятаго мною предмета. Будучи очевидцемъ происшествій, Сочинитель замѣнитъ сею печальною выгодою неопытность свою въ родѣ историческомъ; и ежели не всѣ мѣста будутъ вѣрны съ каждою подробностію; ежели нѣкоторыя ознаменуются духомъ сильнаго негодованія, — первое произойдетъ отъ того, что непроницаемый мракъ *генія тьмы* тщательно покрываетъ дѣла вѣроломные: послѣднее — отъ воплей сердца, которые, можетъ статься, вырвутся иногда изъ груди непроизвольно. Совсѣмъ тѣмъ внимательное наблюденіе зри-

теля довольно приближится къ первымъ во всякомъ случаѣ; догадки и предположенія не разойдутся съ ними противными путями, и уваженіе къ истинѣ будетъ всячески преодолѣвать послѣднее.

2 Сентября 1812 года есть повтореніе эпохи въ лѣтописяхъ Московскихъ, бывшей за двѣсти лѣтъ передъ симъ — нашествія Литовцовъ и стратегіи Французовъ, которую мы будемъ называть просто вандализмомъ; ибо *изобрѣтательный духъ* Галловъ ведетъ ихъ по *проложеннымъ слѣдамъ* невѣжественными варварами.

Въ четыре часа передъ вечеромъ сказаннаго дня нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ съ горы, называемой *Поклонною*, на Можайской дорогѣ, верстахъ въ трехъ отъ древней Руской Столицы, возвѣстили о дерзновенномъ къ ней приближеніи непріятеля, и въ то же время были голосомъ требованія ключей ея. Долго на одномъ мѣстѣ пред-

водитель ожидалъ подобострастной встрѣчи и пышнаго пріема. Но величественная въ самомъ беззащитномъ состояніи Москва раздражала пылающіе корыстолюбіемъ взоры Наполеона, его сотрудниковъ, его полчищей — и болѣе ничего. Напослѣдокъ Король Неаполитанской былъ отряженъ съ передовою кавалеріею черезъ Дорогомиловскую заставу прямо въ Кремль; между тѣмъ, какъ часть пѣхоты входила въ Серпуховскую и Прѣсненскую заставы, и вопреки строгому военному порядку бросилась во всѣ стороны, наводнила предмѣстія, подобно весеннему разлитію быстрой рѣки; и когда завѣса ночи стала опускаться съ небесъ, — ужасное пламя вознеслось къ нимъ изъ нѣдръ горестной Столицы, и страшные вопли раздались подъ нещастными кровами оставшихся ея жителей: пожаръ и грабительство начали свирѣпствовать! Четверо сутокъ продолжалось то и другое во всемъ своемъ ужасѣ, неописанномъ, невообразимомъ

Императоръ оставался ночевать за городомъ. На другой день по утру (3 числа) вступилъ въ оной подъ звуками военной музыки, сопровождаемый гвардіями конными и пѣшими: Французскою, Италіянскою и Польскою, и занялъ Кремль. Арміи облегли Столицу на нѣкоторомъ разстояніи отъ оной, ближе или далѣе; патрули начали разъѣзжать по городу, спокойно взирая на необузданность солдатъ, бѣгающихъ изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу, подъ грузомъ добычь, и ловили однихъ зажигателей — *Рускихъ*, тотчасъ разстрѣливали нещастныхъ, можетъ быть напрасно обвиняемыхъ, и слѣдственно открытъ новый источникъ жестокости, нигдѣ еще до сихъ поръ не содѣланной.

За преступленьями идутъ во слѣдъ другія!

Были разстрѣляны зажигатели и *Французы*, вѣроятно для вида справедливости.

На третій день (4 числа) ужасная буря разлила пламень по всѣмъ частямъ города. Наполеонъ, котораго душа безъ сомнѣнія веселилась образомъ тартара, самъ Наполеонъ устрашился *огненныхъ рѣкъ*, и выѣхалъ изъ Кремлевскаго дворца въ Петровской ночевать, или справедливѣе сказать, бодрствовать въ безмолвіи полей, его окружающихъ, надъ изобрѣтеніемъ плановъ къ пагубѣ Россіи. Но можетъ быть Правитель міровъ самому ему тогда же изрекъ пагубу! — По прошествіи сутокъ Наполеонъ возвратился въ Кремль.

Ворота Спаскіе тотчасъ заколотились наглухо и заставились рогаткою; а въ Никольскихъ, подъ башнею, стали часовые, за нею караулъ съ Офицеромъ, непропускающій въ Кремль изъ Рускихъ никого — выключая гоняемыхъ туда на работу — безъ билета отъ Дворцоваго Маршала, котораго, думаю, ни одинъ Руской не просилъ объ ономъ, и который безъ

сомнѣнія отказалъ бы въ немъ каждому (1).

Почти всѣ церкви благочестивѣйшаго града въ православномъ мірѣ, Москвы, заняты были лошадьми, или фуражемъ и провіантомъ; нѣкоторыя женщинами, посаженными за работу въ самыхъ олтаряхъ; многія служили убѣжищемъ для жителей, лишенныхъ

---

(1) Всѣ Наполеоновы обряды — отъ духовныхъ до придворныхъ — суть не иное что, какъ ложный, обманчивый призракъ, уловляющій въ паутинныя сѣти свои жалкое легкомысліе. Сей Корсиканецъ, возвратившій Французамъ религію и монархію, приходитъ къ Христіянскимъ Государямъ лишать ихъ Престоловъ и осквернять Олтари храмовъ; сей Наполеонъ, призвавшій нынѣ въ свою столицу Главу Католической церкви, дозволяетъ Греческія превращать въ конюшни! Какія правила подаетъ онъ своимъ подданнымъ? Какіе нравы образуетъ въ нихъ? Самъ Аттила умѣлъ иногда уважать достойное уваженія; онъ прошелъ *мимо* Рима, для того единственно что Первосвященникъ вышедъ къ завоевателю на встрѣчу во всемъ своемъ облаченіи, просилъ пощадить *святую* столицу. Здѣсь очень къ стати сказать, что новый Аттила не пощадилъ ни сей святой столицы, ни Намѣстника Христова.

другаго убѣжища; всѣ безъ изъятія ограблены, во всѣхъ разбросаны иконы, сняты оклады, если они были серебряные; валялись утвари, если онѣ были не серебряныя и проч. и проч. Грубые *Вандалы* находили ребяческое удовольствіе звонить въ колокола, и вѣроятно утѣшались тѣмъ, что обманывали набожныхъ простолюдимовъ, которые могли подумать, что благовѣстятъ къ обѣднѣ, къ вечернѣ — и обманывались дѣйствительно, пока не привыкли къ симъ богоотступнымъ забавамъ жалкихъ безумцевъ (1).

Воспитательный Домъ, благодаря дѣятельной и неусыпной попечительности его Начальника, былъ пощаженъ отъ грабительства и спасенъ отъ пожара. Наполеонъ захотѣлъ видѣть сего достойнаго Начальника; призвалъ его

---

(1) И Литовцы дѣлали въ Москвѣ то же, что Французы; но какое *должно быть* различіе между тѣми и другими! Первыхъ едва озаряла еще вѣра Христіянская, а послѣднихъ многіе вѣки освѣщаетъ она полнымъ своимъ сіяніемъ.

къ себѣ (1), встрѣтилъ привѣтствіями на счетъ хорошо исполняемой имъ должности, спрашивалъ о состояніи Дома и наконецъ предложилъ вопросъ, довольно затруднительный: „Кто зажегъ Москву, Руские или Французы?“ — Прямодушный и смѣлый Начальникъ отвѣчалъ: Жгли и Французы. „Неправда! — сказалъ Наполеонъ съ сердцемъ — одни Руские.“ но удержалъ гнѣвъ свой, и разстался съ Начальникомъ ласково. Такъ щастлива была минута ихъ свиданія!

---

(1) Черезъ Секретаря своего, который послѣ учтивостей, сказанныхъ имъ отъ Императора, вдругъ разсмѣялся, и окончилъ рѣчь свою на Рускомъ языкѣ. Начальникъ удивился и не зналъ, что подумать. Но посолъ вывелъ его изъ недоумѣнія, назвавъ себя по имени и напомнивъ ему о времени и обстоятельствахъ *знакомства ихъ*. Это былъ всѣмъ намъ извѣстный *путешественникъ Делорнъ*, жившій передъ симъ лѣтъ за восемь въ Москвѣ довольно долго, и учившійся поруски очень прилѣжно. Онъ сказалъ при этомъ случаѣ, что правительство Французское посылаетъ всюду подобныхъ *путешественниковъ* учиться въ особенности языкамъ.

Ничего не было трогательнѣе зрѣлища, какъ отчаянные жители Москвы переходили изъ одного мѣста въ другое, изъ одной части города въ другую, изъ угла въ уголъ, съ бѣдными остатками своего имущества, въ узлахъ сберегаемаго, преслѣдуемые, гонимые грознымъ пожаромъ и безжалостными грабителями, которые вырывали изъ трепещущихъ рукъ послѣднюю одежду, или послѣдній кусокъ хлѣба! Малѣйшее сопротивленіе стоило ударовъ ружьемъ или тесакомъ, не взирая ни на полъ, ни на лѣта. Я видѣлъ почтеннаго старца, мирнаго гражданина, отдыхавшаго на бранныхъ лаврахъ, украшеннаго орденами; видѣлъ, говорю, съ глубокою раною на щекѣ, полученною имъ въ безмолвномъ смиреніи, при неистовствѣ *Вандаловъ*, отъ одного изъ нихъ, распаленнаго жаромъ Бахуса и Плутуса — двухъ идоловъ, которымъ преимущественно покланяются сіи Вандалы; слышалъ о богатыхъ, о чиновныхъ людяхъ, которые употреблялись ими въ самую

презрительную работу, — подъ тяжелую ношу гнусной добычи, и проч. И такова была судьба почти всѣхъ Московскихъ жителей! весьма немногіе избѣжали ее.

Но ежели сія горестная Столица, обхваченная когтями тигра и угрожаемая его челюстями, не могла обороняться, не могла мстить за самоё себя; то окружающіе мать свою города и села отмщали за нее безъ всякой пощады. Славный происхожденіемъ рода своего Генералъ *Детре*, напоминающій именемъ своимъ прекрасную Габріелль и добраго Генриха, заплатилъ въ семъ случаѣ жизнію за многихъ безвѣстныхъ собратій своихъ.

По прошествіи четырехъ дней (7 Сентября) учредился гарнизонъ, разставились караулы во всѣхъ Частяхъ города, показались Коммисары и Комменданты; на шестой (8 числа) гвардіи пѣшія и конныя: Французская, Италіянская и Польская, заняли въ Москвѣ квартиры;

наконецъ явилась на воротахъ Коммендантовъ и на нѣкоторыхъ публичныхъ мѣстахъ слѣдующая печатная на Французскомъ и Рускомъ языкахъ прокламація, списываемая мною отъ слова до слова:

,,Жители Москвы!

,,Нещастія ваши жестоки! но ,,Его Величество Императоръ и ,,Король хочетъ прекратить тече- ,,ніе оныхъ.

,,Страшные примѣры васъ научи- ,,ли, какимъ образомъ онъ наказы- ,,ваетъ непослушаніе и престу- ,,пленія (1).

,,Строгія мѣры взяты, чтобы ,,прекратить безпорядокъ и воз- ,,вратить общую безопасность.

,,Отеческая Администрація, из- ,,бранная изъ самихъ васъ, состав- ,,лять будетъ вашъ Муниципали-

---

(1) Чьи? кому? передъ кѣмъ? и въ чемъ?

,,тетъ или Градское правленіе. Оное ,,будетъ пещись объ васъ, объ ва-,,шихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ.

,,Члены онаго отличаются крас-,,ною лентою, которую будутъ но-,,сить чрезъ плечо, а Градской Го-,,лова будетъ имѣть сверхъ онаго ,,бѣлый поясъ. Но исключая время ,,должности ихъ, они будутъ имѣть ,,только красную ленту вокругъ ,,лѣвой руки.

,,Городовая Полиція учреждена ,,по прежнему положенію; а чрезъ ,,ея дѣятельность уже лучшій су-,,ществуетъ порядокъ. Правитель-,,ство назначило двухъ Генераль-,,ныхъ Коммисаровъ или Полицмей-,,стеровъ, и 20 Коммисаровъ или ,,Частныхъ Приставовъ, постано-,,вленныхъ во всѣхъ прежнихъ Ча-,,стяхъ города. Вы ихъ узнаете по ,,бѣлой лентѣ, которую будутъ они ,,носить вокругъ лѣвой руки.

,,Нѣкоторыя церкви разнаго испо-,,вѣдованія открыты, и въ нихъ

,,безпрепятственно (1) отправляет-
,,ся Божественная служба.

,,Ваши сограждане возвращаются
,,ежедневно въ свои жилища (2), и
,,даны приказы, чтобы они нахо-
,,дили въ нихъ помощь и покрови-
,,тельство (3), слѣдуемые нещастію.

,,Сіи суть средства, которыя
,,Правительство употребило, чтобы
,,возвратить порядокъ и облег-
,,чить (4) ваше положеніе; но что-
,,бы достигнуть до того, нужно
,,чтобы вы съ нимъ соединили ваши
,,старанія, чтобы забыли, если мо-
,,жно (5), ваши нещастія, которыя
,,претерпѣли, предались надеждѣ не
,,столь жестокой судьбы, были увѣ-

(1) *Должно ли было препятствовать?*

(2) Тѣ сограждане, которые испытали вашу жестокость внѣ оныхъ еще болѣе!

(3) Не находя и не надѣясь найти — куска хлѣба.

(4) Что касается до сего слова, то оно было исполнено на дѣлѣ со всею точностію — въ извѣстномъ смыслѣ.

(5) Трудное условіе!

,,рены, что неизбѣжная и постыд-
,,ная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои
,,дерзнутся на ваши особы и остав-
,,шіяся ваши имущества (1), а на-
,,послѣдокъ и не сомнѣвались, что
,,оныя будутъ сохранены (2), ибо
,,такая есть воля величайшаго и
,,справедливѣйшаго изъ Монар-
,,ховъ (3).

,,Жители! какой бы вы націи ни
,,были, возстановите публичное до-
,,вѣріе (4), источникъ щастія Го-
,,сударствъ, живите какъ братья
,,съ нашими солдатами (5), дайте
,,взаимно другъ другу помощь и
,,покровительство, соединитесь,
,,чтобы опровергнуть намѣренія
,,зломыслящихъ (6), повинуйтесь

---

(1) Противъ сего пункта не могло *уже* быть преступниковъ.

(2) Хранить то, чего нѣтъ — какое благодѣяніе!

(3) ! !

(4) Не пустыя ли слова?

(5) Какъ братья? — съ нашими грабителями, душегубцами?

(6) Стало ваши.

„воинскимъ и гражданскимъ Началь-
„ствамъ (1), и скоро ваши слезы
„течь перестанутъ (2).

„Москва $\frac{19 \text{ Сентября}}{1 \text{ Октября}}$ 1812.

„*Интендантъ или управляющій*
„*городомъ и Провинціею Мос-*
„*ковскою*

„Лессепсъ."

Всѣ знающіе грамоти читали прокламацію и пересказывали незнающимъ ея содержаніе; но ни на одномъ лицѣ не замѣтилъ я отраднаго впечатлѣнія. Казалось, тайный голосъ сердца говорилъ каждому, что не возможно ожидать событія обѣщаній; что онѣ заключаютъ въ себѣ какую-нибудь хитрость и опасное обольщеніе; что безъ особеннаго промысла Божія не льзя было избѣжать голодной смерти — уже единственнаго нещастія, которое

(1) *Своимъ* никто лучше насъ не повинуется.

(2) Но только не по вашему человѣколюбію.

предстояло — при алчныхъ волкахъ, все пожирающихъ. И читатели и слушатели отходили отъ сей, дышащей Сен-Клудскою уловкою, прокламаціи съ томными взорами, подъятыми къ Небесамъ, гдѣ они искали другаго, вѣрнѣйшаго утѣшенія.

Мы увидѣли бѣлыя ленты на лѣвой рукѣ, но не видали праваго дѣла торжествующимъ. Рускіе, употребленные въ Полицейскую должность, служили для сограждан своихъ только *переводчиками*; ибо на власть, имъ данную въ пользу согражданъ, Французы не очень смотрѣли. Грабежи и своевольства въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ карауловъ продолжались, и — въ слѣдъ за первою явилась другая печатная же на обоихъ языкахъ прокламація, которой у себя не имѣю, на которую взглянулъ я мѣлькомъ и которая начиналась такимъ образомъ:

„Не взирая на запрещенія, грабительства въ нѣкоторыхъ ча-

„стяхъ города не прекращаются: „то . . . . " и сказано, какія противъ сего берутся новыя мѣры и употребляются еще средства. Но только что *сказано*; ибо *мѣры* и *средства* оставались уже лишними, потому что не было болѣе *матеріяловъ* для преступленія.

Часть города, называемая *Прѣснею*, занята была конными гвардейскими гренадерами и пѣшею Италійскою гвардіею. Каждый день первые, въ полномъ вооруженіи, ѣздили за фуражемъ верстъ за 30 отъ Москвы, и почти всякой разъ возвращались съ потерею прекрасныхъ лошадей и людей своихъ отъ нападенія или Козаковъ, или крестьянъ. Напослѣдокъ эта голодная саранча, опустошавшая богатыя отъ необыкновеннаго урожая окрестныя поля и села, выведена была въ *Островъ*, извѣстную подмосковную Графини Орловой, откуда черезъ недѣлю прилетѣла опять въ Москву безъ памяти: Козаки выгнали нагайками сихъ робкихъ, избалован-

ныхъ и до глупости гордыхъ сателитовъ Наполеона (1).

Достойно замѣчанія, что по среди страшныхъ развалинъ и печальныхъ остатковъ пылавшаго нѣсколько дней геенскимъ огнемъ города, нимало не поврежденный, прекрасный, великолѣпный домъ, бывшій собраніемъ веселостей, гремѣвшій балами, спектаклями, маскарадами, концертами и проч., остался вѣренъ судьбѣ своей — тѣмъ же мѣстомъ удовольствія: говорю о домѣ господина Познякова. Въ этомъ щастливомъ, подобно своему хозяину, домѣ играли Московскіе Французскіе актеры, которыхъ наконецъ зрители — разумѣется, что были ими одни *гости* — потащили за собою. Мнѣ случилось видѣть первыхъ въ самое то время, когда они выѣзжали въ слѣдъ за послѣдними. Я спросилъ у нихъ,

---

(1) Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ чистосердечно, что *двухъ человѣкъ* сей гвардіи не убито въ сраженіи — то есть на полѣ чести. Теперь онъ, если живъ самъ, сказать сего не можетъ.

куда они ѣдутъ? „Не знаемъ!“ отвѣчали всѣ вмѣстѣ чада забавъ такимъ печальнымъ голосомъ и съ такимъ жалкимъ выраженіемъ, что въ самомъ дѣлѣ было жалко и печально смотрѣть на нихъ. Мнѣ вообразились они тогда *актерами* на обширной. истинно трагической сценѣ всеобщаго бѣдствія, играющими роль *страждущаго человѣчества!*... А особливо трогательно для меня было ихъ прощаніе *на улицѣ* съ Рускими, у нихъ служившими. Казалось мнѣ, что взоры съ обѣихъ сторонъ говорили: *навѣки! навѣки!* Нѣсколько разъ оглянулся я на путешественниковъ *противъ воли*, если не ошибаюсь. У насъ было имъ такъ хорошо!

Между тѣмъ мрачный владыко, никѣмъ изъ насъ невидимый и окруженный Кремлевскими стѣнами, занимался любимою своею работою — подкапываніемъ сихъ самыхъ стѣнъ. Генію разрушителю ничто не можетъ быть свойственнѣе и пріятнѣе сего упражненія. Знаю, что закономъ

военнымъ дозволяется взрывать, уничтожать непріятельскія крѣпости; но сіи два слова: *законъ* и *Наполеонъ*, не должны быть вмѣстѣ подъ перомъ историка — ни даже стихотворца, ежели не хочетъ жертвовать *славою рифмѣ*.

Сей *Омаръ*, котораго истребительною рукою превращены въ пепелъ не однѣ *библіотеки* наши, но и жилища, ѣздилъ — но весьма рѣдко — между ихъ развалинами, верхомъ въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя и обыкновенной свиты — то есть Мамелюка, Принцовъ и Королей — къ тому или другому изъ сихъ послѣднихъ, или къ ордамъ своимъ за городъ, гдѣ провождалъ иногда по нѣсколько сутокъ. Новодѣвичій монастырь видѣлъ сопостата, Наполеона, въ святой своей оградѣ, которую осматривалъ онъ со вниманіемъ и передъ главными воротами которой вскорѣ явилась высокая батарейная насыпь съ глубокимъ рвомъ, а самыя ворота были заложены брусьями. Вообразите му-

чительное безпокойство страшной неизвѣстности, въ которой до самаго побѣга Французовъ находились робкія, беззащитныя дѣвы, — что будетъ съ монастыремъ и съ ними! Но Богъ, которому онѣ посвятили себя, спасъ ихъ невредимо; батарея и тогда же сдѣланный на противной сторонѣ проломъ въ стѣнѣ остались — грозными слѣдами какого-то злаго намѣренія, и только.

Кажется, что Наполеонъ имѣлъ помышленіе зимовать въ Москвѣ — о чемъ не рѣдко разносились и слухи — ибо онъ вызывалъ печатными бумагами на обоихъ языкахъ, не пожелаетъ ли кто подрядиться на чищеніе улицъ, на освѣщеніе оныхъ фонарями и на постройку будокъ для часовыхъ; или цѣль его при этомъ была — распространить *фальшивыя ассигнаціи*, которыя онъ привезъ съ собою изъ Парижа — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и которыми выдавалъ жалованіе своимъ солдатамъ; цѣль — нанесть чувствительный вредъ нашему дене-

жному кредиту. Французы безпрестанно приступали къ намъ, обобраннымъ ими до послѣдней нитки, не обмѣняемъ ли ихъ ассигнацій, новыхъ, по большой части сторублевыхъ, на *серебро*, съ предложеніемъ чрезвычайно большаго лажа, морщась между тѣмъ, что платятъ имъ за тяжкіе труды ихъ столь легкою монетою. Но разбойническія добычи, освященныя въ бѣдственномъ нашемъ мірѣ именемъ *права войны*, съ излишествомъ вознаграждали враговъ всякаго истинно священнаго права; и не льзя было не улыбнуться сквозь горькихъ слезъ, видя солдата ѣдущаго верхомъ въ женскомъ салопѣ, въ женской шубейкѣ, или въ крестьянской шапкѣ, въ крестьянскомъ кафтанѣ; и Кавалеровъ Почетнаго Легіона, унтеръ- и оберъ-офицеровъ, расхаживающихъ въ мужичей обуви — въ котахъ. Для вышесказанной же цѣли безъ сомнѣнія дано сто тысячь рублей *ассигнаціями* созданному беззаконною властію *Градскому головѣ* на закупку жизненныхъ при-

пасовъ по окрестнымъ городамъ и селамъ; ибо можно ли было полагаться на успѣхъ такого препорученія? — на вѣрность людей, покарявшихся одной силѣ, и на нѣкоторое число жандармовъ, ихъ сопровождавшихъ? Встрѣча на примѣръ съ *Козаками* могла все уничтожить; но *деньги* пошли бы въ обращеніе — а сего и довольно. Мнѣ совсѣмъ неизвѣстно, какъ сіе дѣло кончилось.

Обносившіеся солдаты — даже офицеры закидали женщинъ нашихъ работою — непрестаннымъ шитьемъ рубашекъ изъ награбленныхъ холстовъ, полотенъ, миткалей и проч., платя или не платя, единственно потому, кто честнѣе; ибо въ такомъ множествѣ людей различнаго происхожденія, различнаго воспитанія, различныхъ націй есть честные, добрые, великодушные и чувствительные: сего признанія требуетъ здравый разсудокъ и святая справедливость. Таковы большею частію *Италіянцы.* Можно и

должно назвать ихъ антиподами *Баварцовъ.* Сіи послѣдніе мстятъ, кажется, на другихъ то, что они претерпѣвали нѣкогда отъ Французовъ, чѣмъ долгое время платили за надѣтую корону на ихъ Курфирста и во что стало имъ пышное имя *Королевства.*

О Пальмъ, нещастный Пальмъ, примѣръ души великой (1)! ты сдѣлался невинною жертвою ясныхъ, какъ солнце, истинъ, и рѣдкой въ наше время твердости даннаго слова! Покойся же съ вѣнцомъ праведника на лонѣ Творца Всемогущаго и Всевѣдающаго! Горестное твое семейство имѣло отраду, имѣло утѣшеніе въ искреннемъ и дѣятельномъ состраданіи душъ, твоей подобныхъ.

Я вспомнилъ о книгѣ (2), за которую столь мужественно, столь

(1) Да простится мнѣ сей нечаянной *стихъ* въ прозѣ! Онъ излился самъ собою изъ моего сердца — и я не хотѣлъ покорить *сердечнаго чувства* условному закону.

(2) Подъ названіемъ: *Германія въ глубокомъ униженіи.* Сочинитель просилъ Пальма не

благородно погибъ сей почтенный книгопродавецъ, и погибъ отъ мрачнаго страха Сен-Клудской тираніи; вспомнилъ и не могъ воспротивиться сему отступленію.

Невѣроятно, до какой степени простирается энтузіазмъ къ Наполеону между нѣкоторыми его — орудіями честолюбія! Говоря съ однимъ Польскимъ Генераломъ о военныхъ качествахъ, о политическихъ видахъ, о духѣ и характерѣ Наполеона, я сказалъ, что онъ во многомъ похожъ на Александра Македонскаго, которому вселенная казалась недостаточною для побѣдъ его; который отца своего Филиппа пожаловалъ Юпитеромъ, а садовника Абдалонима царемъ Сидонскимъ; который . . . Полякъ разгорячился, не допустилъ меня говорить далѣе и прогладивши длинные усы свои, воскликнулъ: „Наполеонъ не имѣетъ образца! онъ самъ образецъ во всемъ

открывать его имени — и Пальмъ при всѣхъ ужасахъ видимой смерти не объявилъ допрашиваемой тайны.

и для всѣхъ!“ Я продолжалъ спокойно, не взирая на запальчивое возраженіе гордаго Піаста: Но будетъ ли имѣть Наполеонъ своего Квинта-Курція? . . . *Кто захочетъ возложить на себя обязанность прославлять сего Александра!* — хотѣлъ я прибавить, но воздержался. Полякъ отворотился отъ меня и ушелъ. Ежели бы онъ пожелалъ слушать далѣе, то я сказалъ бы еще, что и Карлъ XII пошелъ-было по слѣдамъ Александра Великаго, но кончилъ поприщемъ Дон-Кишота. Можетъ быть та же участь ожидаетъ и Наполеона.

Надобно при этомъ знать, что вообще *Поляки* терпѣть не могутъ *Французовъ*; называютъ ихъ высокомѣрными, надменными, самодовольными и проч. Однажды этотъ самый Генералъ Польской, раненой пулею въ ногу подъ *Бородинымъ*, и квартировавшій на *Прѣснѣ*, сказалъ мнѣ съ явнымъ движеніемъ внутренняго удовольствія: „Французы выдутъ отсюда (то есть съ Прѣсни),

и на мѣсто ихъ станутъ Италіянцы: они лучше." Разительное противорѣчіе между тѣмъ, что и какъ говорилъ онъ со мною недавно о Наполеонѣ и теперь — о ближайшихъ его сателитахъ! Надобно также знать, что Французы презираютъ Поляковъ.

Другой Польской же Генералъ, безъ сомнѣнія неболѣе довольный Французами, какъ и земляки его, разсказывалъ при мнѣ о сраженіи, бывшемъ на Калужской дорогѣ, съ такою необычайною даже для Поляка хвастливостію въ пользу Французовъ, говорилъ такъ много и сильно о чудесахъ храбрости, помнится, Короля Неаполитанскаго и какого-то Полковника, своего соотечественника, что мнѣ нужно было все присутствіе благоразумія для удержанія смѣха. Такова сія рабственная нація!

Бывши однажды на квартирѣ у перваго изъ сихъ Польскихъ Генераловъ, впрочемъ весьма ласковаго,

снисходительнаго и добраго человѣка, служащаго Франціи со времени послѣдняго раздѣленія Польши въ такъ называемомъ *Польскомъ Легіонѣ,* состоящемъ изъ тысячи *шляхтичей,* я увидѣлъ на столѣ кучу печатныхъ Рускими буквами листовъ, подхожу, всматриваюсь и — получаю экземпляръ слѣдующей нелѣпицы (нарочно не поправляю ни одного слова, чтобы Читатели судили, вмѣстѣ съ прочимъ, и о познаніи переводчика или сочинителя — безъ сомнѣнія не *Рускаго* — въ Рускомъ языкѣ):

„*Отзывъ Россіянъ 17 Іюля найденный на форпостахъ надъ рѣкою Двиною.*

„Французскіе воины! на новую „войну влекутъ васъ, увѣряютъ „васъ, что Россіяне отнимаютъ „справедливость мужеству вашему. „Нѣтъ, друзья! почитаемъ мы храбрость вашу и узнаете о томъ „въ день сраженія. Знайте, что „армія по арміи станетъ противу „васъ, ежели надобность настоять „въ томъ будетъ. Подумайте, что

,,о 400 миль находитесь отъ помо-
,,щей вашихъ! Не обмануйтесь пер-
,,выми оборотами нашими. Знаете
,,коротко Россіянъ, что бы поду-
,,мали, что они бѣгутъ передъ вами.
,,Пріимемъ сраженіе, а въ то время
,,трудно вамъ будетъ уступать.
,,Дружески совѣтуемъ вамъ: воз-
,,вратитесь въ домы полнымъ чи-
,,сломъ. Не вѣрте обманнымъ сло-
,,вамъ, что сражаетесь за миръ.
,,Нѣтъ; вы сражаетесь за неукро-
,,тимую гордость Государя, кото-
,,рый не желаетъ мира; давно имѣлъ
,,бы оный. У него кровь храбрыхъ
,,воиновъ есть игрой. Возврати-
,,тесь въ домы; или ежели желаете
,,сохраниться въ Россіи, позабудете
,,тамъ всѣхъ нещастій конскрип-
,,цій, вербунковъ, общаго востанія
,,и всея жестокости военной, ко-
,,торая не дозволяетъ вамъ ни на
,,минуту освободиться отъ сего.

,,Отвѣтъ Французскаго гренадера.

,,Россіяне! Одни лишь рабы подъ
,,палками идутъ противъ своей

,,воли: Французской солдатъ пови-
,,нуется самому голосу чести и
,,закона.

,,Никогда не вговаривано въ насъ,
,,чтобы вы не почитали храбрости
,,нашей. Амстетенъ, Голябрунъ,
,,Аустерлицъ, Пултускъ, Эйлау и
,,Фрейдляндъ суть весьма новые па-
,,мятники. Сего дня мы видимъ то,
,,что завсегда видали: бѣгущихъ
,,передъ нами . . . . Благоразумные
,,обороты раздѣлили войска ваши
,,и пресѣкли однѣ корпусы отъ дру-
,,гихъ. Безъ всякой цѣли шатаются
,,разсѣянныя колонны! Всѣ обозы и
,,укрѣпленія оставлены! Большіе
,,магазейны или забраны, или истре-
,,блены! Столичной городъ Польши,
,,Россіею владѣемой, въ нашей вла-
,,сти! Шесть милліоновъ Поляковъ
,,Литовской области соединившихъ-
,,ся съ пятью милліонами Варшав-
,,скаго Княжества, вооружается для
,,отысканія правъ своихъ! болѣе
,,6000 уже сихъ честныхъ Поля-
,,ковъ оставило службу вашу, и
,,соединилось съ нами.

,,Предвидите, что уступать будемъ. Гдѣжъ и когда мы уступали передъ вами? Отзываетесь съ такою дерзостью, къ какой передъ 20 лѣтами приобыкли. Но отъ того времени все перемѣнилось! дѣло уже рѣшено! знаемся весьма коротко!

,,Говорите о неукротимой гордости Государя нашего. Который же изъ двухъ болѣе гордъ, тотъ ли, что побѣдивъ уступаетъ для любви мира изъ забранныхъ пространныхъ областей; или тотъ, что побѣжденной забираетъ Финляндію, Молдавію, Валахію, часть восточной Пруссіи, и Галлиціи? . . Гдѣжъ бы остановились Шведы, Прусаки, Австрійцы, если бы были побѣдителями?

,,Совѣтуете намъ бѣжать изъ службы. Подлые только совѣтуютъ подлости. Мы никогда вамъ сего совѣтовать не станемъ. Мерзимся бѣгствомъ; отзовемся только къ нещастнымъ Полякамъ,

,,что отечество ихъ возвращено; ,,что должно за тѣмъ оставить ,,службу тирановъ своихъ и явиться ,,(въ самой вещи являются и еже- ,,дневно болѣе являться ихъ будетъ) ,,подъ знамена бѣлаго орла, кото- ,,рый нѣкогда предковъ ихъ велъ ,,въ Москву! Скажемъ, что пришло ,,время востанія Польши! что Кон- ,,федерація ея подъ предводитель- ,,ствомъ Маршала Князя Адама ,,Чарторыскаго вызываетъ ихъ изъ ,,Россійской службы, что честь и ,,вѣра повелѣваетъ имъ соединиться ,,къ содѣйствію въ важномъ дѣлѣ ,,востановленія отечества.

,,Предлагаете намъ сохраненіе въ ,,Россіи! хотитежъ, чтобы мы пре- ,,красныя обитанія промѣняли на ,,ужасной климатъ! имѣлижъ бы ,,мы выходить изъ подъ покрови- ,,тельства правъ просвѣщеннаго на- ,,рода а предавать насъ власти ,,господъ и подданичеству? нынѣ ,,естествуемъ людями; въ то ,,время были бы скотомъ. И чѣмъ ,,же могли бы вы убѣдить насъ!

,,Стоитъ ли цѣлое государство ,,ваше одной провинціи нашей?

,,Говорите о конскрипціи. Кон-,,скрипція есть закономъ. 60 ми-,,ліоновъ обывателей доставляютъ ,,новыхъ воиновъ войскамъ на-,,шимъ. Мы идемъ, ибо законъ ,,велитъ (1). Вы жъ идете по ,,выбору господъ, какимъ имѣніе ,,ваше и жизнь (2) подвластны; ,,идете выбранные по волѣ ихъ, не ,,зная причинъ выбора (3). Въ на-,,борахъ господа отдаютъ васъ какъ ,,воловъ и лошадей.

,,Говорите о жестокости воен-,,ной. У васъ болѣе господствуетъ ,,истинная жестокость. Бьютъ васъ ,,палками! никогда никакого степени ,,заслужить не можете! у васъ

(1) Этотъ законъ — самовольство свирѣпѣйшаго изъ тирановъ.

(2) Презрѣннѣйшая клевета. — Только въ Польшѣ господа имѣютъ власть надъ жизнію рабовъ своихъ.

(3) Всякой знаетъ причину наборовъ: защищеніе церквей, домовъ своихъ, имуществъ и отечества отъ грабителей.

„страхъ а не честь, есть основа-
„ніемъ порядка! Не задолго освобо-
„димъ собраній вашихъ, истре-
„бимъ въ Россіи рабство и право
„естества возвратимъ вамъ. Ка-
„ждый крестьянинъ будетъ обы-
„вателемъ государства (1), будетъ
„властителемъ трудовъ своихъ и
„времени . . . .

„Тогда будемъ наговаривать васъ
„къ побѣгу; тогда скажемъ, что
„сражаемся за ваши права и род-
„ства, что вы должны помогать
„намъ противу тирановъ вашихъ.
„Рабство есть противно правамъ
„человѣчества и вѣры.

„Кончимъ благодарностію за
„сообщеніе намъ плана кампаніи.
„*Уступаете*, какъ сказываете, *желая*
„*насъ ввести*. Признаемъ, что сіе
„предостереженіе есть дѣйствіемъ
„нѣкоего благородства. Не пере-
„ставайтежъ увѣдомлять насъ о
„своихъ предпріятіяхъ, какъ благо-

(1) Врали! что же онъ такое теперь?

„родно начали уже. Мы стараться „будемЪ пользоваться симЪ.“

Кому не извѣстна сія *старая шутка?* ПодЪ глуповымышленнымЪ *отзывомЪ РоссіянЪ* и *отвѣтомЪ гренадера Французскаго* сильно отзывается свойственная ФранцузамЪ ложь и недостойныя никакого отвѣта тщеславіе и клевета сего легкомысленнаго народа, котораго не могла образумить и самая революція — сіе губительное порожденіе мнимыхЪ вольности, свободы и равенства, стоившее и стоющее до сихЪ порЪ виновной и невинной крови человѣческой, рѣками пролитой и проливаемой, и ввергнувшее вЪ истинное, безконечное рабство и вЪ тяжкія, желѣзныя цѣпи націю, которая, подобно всякой другой, отеческими уставами законнаго Государя управляемой, наслаждалась вольностію, свободою и равенствомЪ столько, сколько наслаждаются ими добрые дѣти вЪ благонравномЪ семействѣ! УзникамЪ ли Наполеона Бонапарте говорить о равенствѣ,

о свободѣ и вольности? Подъ грознымъ его ли бичемъ проповѣдовать имъ сіи драгоцѣнныя гражданскія блага, требующія добродѣтелей въ царѣ и подданныхъ? Устами рабовъ Наполеоновыхъ оскверняются имена самыя почтенныя!

Въ началѣ отвѣта *гренадерскаго* можно развѣ замѣтить то одно, что онъ говоритъ въ пророческомъ духѣ о судьбѣ, нынѣ точь въ точь постигшей собратій и властелина его.

7 Октября, ровно черезъ пять недѣль жестокаго плѣна, въ которомъ томилась вѣрная Царю своему и Богу Москва, Наполеонъ — сей второй Навуходоносоръ, *возчувствовавшій* — какъ написалъ одинъ почтенный соотечественникъ нашъ — *силу десницы Бога, благодѣющаго Россіи,* выѣхалъ изъ ея долго страдавшей, но всегда на благость Провидѣнія уповавшей Столицы; выѣхалъ стремительно, поспѣшно, на другой день утромъ, по выходѣ *ночью* гвардій своихъ, въ слѣдъ за ними, по Калужской дорогѣ, оставя жителей

между страхомъ и надеждою, и пяти-тысячный корпусъ, состоявшій изъ Поляковъ, Гишпанцовъ, Португальцовъ и Нѣмцовъ подъ начальствомъ Герцога Тревизскаго, для прикрытія выходящихъ обозовъ, тяжело нагруженныхъ безбожными добычами, для подорванія стѣнъ Кремлевскихъ и для превращенія въ пепелъ Дворцовъ Государевыхъ.

Около полудня мы услышали страшные удары, медленно одинъ за другимъ слѣдовавшіе и долго повторявшіеся: зажигались пороховые магазины, близъ Симонова монастыря бывшіе. Это не предвѣщало ничего добраго для нещастныхъ жителей, подконецъ *мучениковъ неизвѣстности!*

Въ тотъ же самый день передъ вечеромъ десять или двенадцать человѣкъ Козаковъ изъ подошедшаго къ Москвѣ корпуса, командуемаго Генералъ-Лейтенантомъ Барономъ Винценгероде, влетѣло въ Прѣсненскую заставу и прогнало стоявшій

на Прѣснѣ гарнизонъ, захвативъ нѣсколько человѣкъ изъ онаго. Достойно замѣчанія, что изъ двадцати или тридцати пѣхотныхъ солдатъ, гарнизонъ составлявшихъ, ни одинъ не отважился поднять ружья своего и выстрѣлить по Козакамъ: такъ ужасенъ непріятелю видъ нашихъ Козаковъ, а особливо при нечаянномъ нападеніи! Тщетно кричалъ Коммендантъ, при извѣстіи что Козаки близь заставы: *стройтесь! смыкайтесь! выступайте!* гарнизонъ стоялъ — кому гдѣ случилось — неподвижно, и наконецъ бросился бѣжать въ разныя стороны. Коммендантъ скрылся какъ молнія.

Ночью сорокъ человѣкъ пѣхоты съ офицеромъ пришли на мѣсто сего происшествія, и постоявъ часа два, ушли обратно. Это былъ отрядъ отъ находившихся восьмидесяти человѣкъ пѣхоты съ одною пушкою у мѣльницы Прѣсненскихъ прудовъ, на которой мололась пшеница для путеваго продовольствія убѣгающихъ ордъ. Въ полночь нѣ-

сколько мародеровъ кинулось въ домы, гдѣ квартировали Коммендантъ и другой начальникъ, и принялись за свое дѣло. Вино, пиво и проч. *долженствовавшія* оставаться послѣ нихъ, были для мародеровъ сильною приманкою (1).

На другой день (8 Октября) происходило сраженіе за Тверскою заставою между Польскою конницею и нашими Козаками. Пѣхота непріятельская обратила тюремной замокъ, находящійся близь оной заставы, въ крѣпость свою, весьма ея достойную; стрѣляла изъ пушекъ и потомъ бросивши ихъ, ушла въ Кремль.

---

(1) Которая стоила мнѣ чрезвычайнаго безпокойства, а семейству моему чрезвычайнаго страха, ибо одинъ изъ сихъ домовъ по нещастію случился у меня въ сосѣдствѣ; хозяинъ былъ *эмигрантомъ*; люди его, остававшіеся въ домѣ, бросились ко мнѣ на дворъ; мародеры за ними, требуя вина и грозя пожаромъ. Я сталъ удерживать ихъ отъ разбойничества просьбами, которыя вскорѣ имъ наскучили, и они хотѣли схватить меня и потащить съ собою; я ушелъ и выбѣжалъ за заставу, около которой разъѣзжали Козаки, возвратился съ ними: но злодѣи между тѣмъ

Третій день (9 числа) прошелъ въ перестрѣлкѣ и сшибкахъ за Тверскою же заставою и въ нападеніи Козаками на засѣвшую близь упомянутой мѣльницы въ каменномъ домѣ пѣхоту съ пушкою, которая дѣйствовала почти безпрестанно. Передъ вечеромъ пришедшій съ корпусомъ своимъ подъ Москву храбрый и славный Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Винценгероде поѣхалъ со всею довѣренностію, обыкновенно свойственною истиннымъ героямъ, сопровождаемый только своимъ Адъютантомъ, на непріятельской пи-

---

нашли въ томъ домѣ вино, котораго усерднымъ людямъ жаль было до того, что они охотнѣе соглашались пожертвовать господскимъ домомъ Вулкану, чѣмъ лишиться жертвоприношеній Бахусу, и скрылись. Родственницы мои, безъ меня, въ неизвѣстности, что со мною будетъ и гдѣ я, мучились ужаснымъ образомъ; и когда я вдругъ показался передъ ними, то въ радостныхъ слезахъ излилась благодарность ихъ къ Провидѣнію за милость, что варварамъ не удалось разлучить насъ, и что грабители бывши *на дворѣ*, не вошли *въ комнаты*. Богу извѣстно, что я тогда чувствовалъ!

кетъ, внутри города стоявшій, вѣроятно для какихъ-нибудь переговоровъ, и вопреки военнымъ законамъ, которые должны быть святы не менѣе другихъ, взяты оба въ плѣнъ.

На четвертый день (10 числа) тѣ же перестрѣлки, тѣ же сшибки и то же нападеніе, которыя происходили наканунѣ. Въ полночь, темную, осеннюю и туманную, страшный грохотъ разбудилъ жителей и поразилъ ужасомъ свѣта-преставленія. Окна дрожали, подобно сердцамъ нашимъ; удары, несравненно сильнѣйшіе самыхъ близкихъ громовыхъ, повторялись одинъ за другимъ; и эхо продолжая во влажномъ воздухѣ заглушающіе звуки, сливало ихъ между собою. Казалось, что земля тряслась подъ нашими окаменѣвшими стопами, и готова была провалиться и поглотить насъ, отчаянныхъ, нещастныхъ! Небо пылало багровымъ заревомъ. — Что же все это было? Кремлевскія башни и стѣны летѣли къ облакамъ, взор-

ванныя минами, и горѣли Дворцы, въ то же время зазженные.

Съ утромъ (11 числа) послѣ ужасной бурц, возсіяло солнце природы и благодати! Варвары очистили уходомъ — до одного человѣка — Москву, ими сквернимую и наконецъ свободно вздохнувшую. Генералъ-Маіоръ Иловайскій занялъ ее своими Козаками и корпусомъ взятаго въ плѣнъ Барона Винценгероде. Жители не вѣрили еще своему избавленію. Но прошло нѣсколько спокойныхъ дней — и въ храмахъ Божіихъ излились жарчайшія моленія душевной благодарности ко Всевышнему, спасающему Россію.

Все любопытство жителей обратилось на одинъ и общій предметъ: цѣлы ли мощи въ Кремлевскихъ Соборахъ; ибо въ Кремль не дозволяли входа, для того что тамъ отыскивались и находились еще въ разныхъ мѣстахъ бочки съ порохомъ, которыхъ вѣроятно торопившіесь и выгоняемые непріятели зажечь не успѣли. Но Генералъ - Маіоръ Ило-

вайскій вскорѣ успокоилъ жителей печатнымъ объявленіемъ, что всѣ мощи были цѣлы, только не на своихъ мѣстахъ; а по возвращеніи Московской Полиціи мы читали слѣдующій

,,Приказъ по Арміямъ.

,,Октября 19 дня, 1812 года.

,,Къ общему свѣденію всѣхъ пред-,,водительствуемыхъ мною Армій ,,объявляется:

,,Непріятель, съ самаго вступле-,,нія его въ Москву, жестоко обма-,,нутый въ своей надеждѣ найти ,,тамъ изобиліе и самый миръ, дол-,,женъ былъ претерпѣвать всякаго ,,рода недостатки. Утомленный ,,далекими походами, изнуренный до ,,крайности скуднымъ продоволь-,,ствіемъ, тревожимый и истреб-,,ляемый повсюду партіями нашими, ,,кои пресѣкли у него послѣднія ,,средства доставить себѣ пропи-,,таніе посредствомъ збора отъ ,,земли запасовъ, потерявъ безъ сра-,,женія многія тысячи людей, по-

,,битыхъ или взятыхъ въ плѣнъ
,,отдѣленными нашими отрядами и
,,Земскими Ополченіями; не усма-
,,тривая впереди ничего другаго,
,,какъ продолженіе ужасной неудач-
,,ной войны, способной въ краткое
,,время уничтожить всю его армію;
,,видя въ каждомъ жителѣ воина,
,,общую непреклонность на всѣ его
,,обольщенія, рѣшимость всѣхъ со-
,,словій грудью стоять за любезное
,,Отечество; претерпѣвъ 6 числа
,,Октября при учиненной на него
,,атакѣ сильное пораженіе, и по-
,,стигнувъ наконецъ всю суетность
,,дерзкой мысли: однимъ занятіемъ
,,Москвы поколебать Россію, пред-
,,принялъ онъ поспѣшное отсту-
,,пленіе вспять, бросивъ на мѣстѣ
,,большую часть больныхъ своихъ,
,,и . . . . . Москва очищена.
,,Къ прежнимъ извѣстнымъ уже
,,учиненнымъ Французами въ сей
,,Столицѣ неистовствамъ, кои по-
,,сѣяли между Россійскимъ и ихъ
,,народомъ сѣмена вѣчнаго мщенія,
,,надлежало имъ подорвать минами
,,нѣкоторыя мѣста въ Кремлѣ;

,,но — благодареніе Богу! — Соборъ ,,и Святые храмы остались при ,,семъ случаѣ невредимы.

,,Теперь мы преслѣдуемъ силы ,,его, когда въ то же время другія ,,наши арміи снова заняли край Литовской, и будутъ содѣйствовать ,,намъ къ конечному истребленію ,,врага, дерзнувшаго угрожать Россіи. Въ бѣгствѣ своемъ оставляетъ ,,онъ обозы, взрываетъ ящики съ ,,снарядами и покидаетъ даже сокровища, изъ храмовъ Божіихъ похищенныя. Уже Императоръ Наполеонъ слышитъ ропотъ въ рядахъ своего воинства; уже начались тамъ побѣги, голодъ и безпорядки всякаго рода. Уже слышанъ намъ гласъ Всеавгустьйшаго Монарха, который взываетъ: ,,Потушите кровію непріятельскою пожаръ Московской!" ,,— Воины! потщимся исполнить ,,сіе, и Россія будетъ вами довольна, и прочной миръ водворится ,,въ неизмѣримыхъ ея предѣлахъ. ,,Богъ поможетъ намъ въ томъ, ,,добрые Рускіе солдаты!"

Жители радовались, почитали себя возставшими изъ мертвыхъ и поздравляли другъ друга какъ въ Свѣтлое Воскресеніе; но съ прискорбіемъ увидѣли колокольню Ивана Великаго *безъ креста* и *шара*, можетъ быть похищенныхъ Наполеономъ для умноженія *рѣдкостей* своего Музея, составленнаго изъ похищенныхъ сокровищь цѣлой Европы. — Чрезъ пробитыя въ самой главѣ колокольни кругомъ дыры Наполеонъ смотрѣлъ въ зрительныя трубки на громады своихъ полчищь, облежавшихъ Столицу нашу, и на движенія окрестныхъ жителей, всегда готовыхъ къ ея оборонѣ (1).

---

(1) Въ облегченіе страдавшаго сердца моего и въ награду за потерянное имущество дозволяю себѣ похвалиться, что я, во все злополучное время, имѣлъ щастіе быть полезнымъ для согражданъ моихъ, товарищей въ бѣдствіи, для жителей одной со мною части города, ходатайствуя день и ночь по кровнымъ жалобамъ людей всякаго состоянія и пола на необузданныя своевольства солдатъ Наполеоновыхъ, который со всѣмъ могуществомъ своимъ надъ ними не въ силахъ удерживать ихъ въ строгомъ повиновеніи: слѣдствіе закоренѣлой привычки къ ненасытной хищности,

Почти не проходило двухъ дней безъ того, чтобы войска непрія-

---

и непрестанно бодрствуя надъ предохраненіемъ отъ пожара домовъ, безъ изъятія въ *Прѣсненской* Части деревянныхъ. Скажу смѣло: всѣ ея жители, тогда бывшіе, засвидѣтельствуютъ истину того, что говорю объ услугахъ моихъ, впрочемъ каждымъ бы на моемъ мѣстѣ оказанныхъ, и не опасаюсь упрека за *нескромность; ибо нѣтъ правила безъ исключенія.* Къ тому же что на свѣтѣ утѣшительнѣе щастія быть полезнымъ для ближнихъ — хотя бы въ томъ заключалась собственная наша, та или другая, выгода? Это обстоятельство не уменьшаетъ наслажденія душевнаго, которое будучи очень живо, старается запечатлѣть себя въ глубинѣ чувствованій, какъ можно прочнѣе — всякими средствами. Къ симъ послѣднимъ принадлежитъ и *нескромность* говорить объ ономъ. Но кто не извинитъ ее? оно такъ рѣдко посѣщаетъ сердце человѣческое! . . . такъ дорого стоило мнѣ; ибо надлежало имѣть дѣло или съ высокомѣрнымъ Французомъ, или съ развратнымъ Полякомъ, и не думать ни о здоровьѣ, и безъ того ослабленномъ отъ скудной пищи, ни о покоѣ, которой давно былъ отнятъ. Но ежели охотно приносимыя отрадѣ и облегченію въ тяжкой участи ближняго сими двумя драгоцѣннѣйшими благами жертвы увѣнчавались каждый разъ успѣхомъ, то симъ обязанъ я добродушію и честности бывшаго на Прѣснѣ Коммендантомъ Голланд-

тельскія не получали приказанія ожидать другаго о выступленіи въ

скаго Полковника, которой часто, подобно мнѣ, вздыхалъ о своемъ отечествѣ. Нѣкогда я спросилъ у сего почтеннаго и уже не молодаго человѣка о состояніи славныхъ Голландскихъ плотинъ. ,,Всѣ наши плотины, физическія и моральныя — отвѣчалъ онъ — разорваны, болѣе или менѣе, сокрушительною рукою, не взирая — примолвилъ онъ горько улыбнувшись и презрительно указавши на крестикъ свой — не взирая на *Соединеніе* (*), пожалованное намъ сею же самою рукою, все у насъ отнявшею!" Здѣсь глаза его наполнились слезами — онъ не могъ болѣе говорить.

(*) Надпись Голландскаго ордена, учрежденнаго Наполеономъ. Вотъ ея происхожденіе: Скилуръ, Царь Скиѳскій, чувствуя приближавшуюся кончину, созвалъ дѣтей своихъ, которыхъ было у него 80. Онъ подалъ имъ связку стрѣлъ, приказывая одному за другимъ переломить ее. Но какъ никто не могъ того сдѣлать, — Царь роздалъ имъ по стрѣлѣ и велѣлъ повторить опытъ: въ минуту всѣ стрѣлы были переломаны. ,,Такимъ образомъ — сказалъ родитель дѣтямъ — погибнете и вы, когда перестанете жить въ согласіи." Мудрый совѣтъ Царя Скиѳскаго принятъ, чрезъ 17 вѣковъ, Голландскою республикою въ надпись ея герба, представлявшаго связку стрѣлъ, съ сими словами: Vis unita fortior, соединенная сила крѣпче.

походѣ, — и оставались. Но всякой разъ при такомъ случаѣ говорили, что они идутъ въ Петербургъ, въ Витепскъ, въ Ригу, въ Казань, въ Кіевъ и потомъ признавались, что никто ничего не знаетъ, не исключая Королей и Принцовъ, за минуту до происшествія, какого бы оно рода ни было. Это всего вѣроятнѣе.

Вообще духъ безпокойства примѣтенъ былъ какъ въ солдатахъ, такъ въ офицерахъ и Генералахъ, не взирая на такія ихъ расположенія, общія и частныя, которыя заставляли думать, что непремѣнно останутся зимовать въ Москвѣ, или пробудутъ въ ней очень долго и очень спокойно. Вѣчные труже-

Въ другое время онъ сказалъ мнѣ съ горестію: „Въ арміи Наполеона служитъ и сынъ мой; онъ здѣсь, но я не только что не вижусь съ нимъ, не знаю даже, гдѣ онъ именно, куда писать къ нему; наконецъ остаюсь въ неизвѣстности, живъ ли онъ!“ — Что за мрачныя облака скрываютъ все Наполеоново! Но мы уже называли его *геніемъ тьмы*.

ники обманывались сами, подобно намъ; но мы видимъ нынѣ истину, а они все обманываются и будутъ обманываться до той крайней точки, которая откроетъ имъ глаза надъ неминуемою бездною, коварствомъ и властолюбіемъ для легковѣрныхъ жертвъ своихъ изрытою.

Обращаясь къ Поэту, подавшему мнѣ матерію для вступленія въ сіе историческое извѣстіе, говорю съ восторгомъ сердца, проникнутаго благодѣтельными лучами свѣтозарной истины: ,,Божественное Правосудіе, утомившись беззаконіями варваровъ, избрало насъ для конечнаго ихъ истребленія, и — если нужно — для опустошенія ихъ странъ безутѣшныхъ.“

Честь и слава мужеству Отечества! Честь и слава вѣрности сыновъ его!

Конецъ.

ОШИБКИ.

Стран. 8, *стр.* 2 *съ низу напечатано:* 1813; *должно: 1812.*

Стран. 11, *стр.* 2 *сверху:* Адда, Мелла, Тарѣ; *должно: Адды, Меллы, Тара.*

Стран. 29, *стр.* 4 *съ низу:* мѣлькомъ; *должно:* мелькомъ.

Можетъ быть найдутся и другія типографическія ошибки — благосклонные Читатели поправятъ.
